

DOI: 10.22363/2618-8163-2025-23-2-257-274

EDN: DVDOMC

Научная статья

Конфиксальные дериваты с начальным *без-* в языке древнерусских летописей

И.В. Ерофеева^{id}✉, Ю.К. Лукьянова^{id}

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Российская Федерация
✉ erofeeva89@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены конфиксальные дериваты с начальным *без-* в оригинальных памятниках древнерусского языка — летописях. Актуальность исследования определяется важностью анализа путей формирования новых словообразовательных типов в истории русского языка, обогативших впоследствии словообразовательную систему новыми моделями. Цель исследования — разносторонний структурно-семантический, функциональный и концептуальный анализ конфиксальных именных форм с начальным *без-* в древнерусском языке. Исследование проведено на материале коллекции летописных текстов X–XIV вв., представленных в историческом корпусе НКРЯ. Используются следующие методы: исторический, лингвотекстологический, метод компонентного анализа семантики, когнитивный. С опорой на труды казанских лингвистов в области исторического словообразования доказаны функциональный статус единой двухэлементной словообразовательной морфемы и ее деривационный потенциал в истории русского языка. Установлено, что в летописных текстах конфиксальные дериваты с начальным *без-* представлены тремя основными словообразовательными типами: существительными со значением действия/состояния со вторым элементом *-ие*, с личным значением со вторым элементом *-ьникъ* и прилагательными со вторым элементом *-ьныи*. При использовании модели на *без-* осуществляется новый принцип познания — через диалектическое отрицание противоречий. В начальный письменный период данные формы характеризуются стилистической маркированностью, обусловленной их сложной морфемной структурой, связью с кальками из греческого языка и заимствованным из старославянского языка характером. Первоначально в качестве производящих основ для конфиксальных дериватов использовались имена отвлеченной семантики, поэтому к числу наиболее употребительных в древнерусских летописях относятся такие производные с начальным *без-*, как *беззаконьныи*, *беззаконие*, *беицисленныи*, *безбожьныи*. Перспективы исследования заключаются в рассмотрении путей дальнейшего развития конфиксальных дериватов с начальным *без-* в старорусский период с XV по XVII вв. как в плане появления новых моделей, так и в плане расширения словообразовательной базы за счет включения в нее имен конкретного значения.

Ключевые слова: конфикс, словообразование, древнерусский язык, исторический корпус, стилистическая маркированность, языковая картина мира

© Ерофеева И.В., Лукьянова Ю.К., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Вклад авторов: Ерофеева И.В. — формирование идеи, формулировка и развитие ключевых целей и задач, проведение исследования, сбор данных, анализ и интерпретация полученных данных, составление статьи; Лукьянова Ю.К. — подготовка и редактирование текста.

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 02.11.2024; принята к печати 16.02.2025.

Для цитирования: Ерофеева И.В., Лукьянова Ю.К. Конфигуральные дериваты с начальным *без-* в языке древнерусских летописей // Русистика. 2025. Т. 23. № 2. С. 257–274. [http://doi.org/ 10.22363/2618-8163-2025-23-2-257-274](http://doi.org/10.22363/2618-8163-2025-23-2-257-274)

Введение

Представители современной Казанской лингвистической школы внесли значительный вклад в разработку теоретических вопросов словообразовательной науки. Среди важных положений, отстаиваемых казанскими учеными, было признание конфикса как единой двухэлементной словообразовательной морфемы. В.М. Марков убедительно доказывал необходимость использования термина *конфлекс* вместо принятого с середины XX в. обозначения соответствующего способа образования слов как приставочно-суффиксального (Марков, 2001). Для доказательства своей точки зрения ученый приводил убедительные примеры типа *заречье*, в которых нельзя выделить часть *речье* путем отсечения элемента *за-*, что подтверждает морфологическое единство элементов *за...ье* и невозможность признания *за-* в данном случае приставкой.

Ученики В.М. Маркова продолжили изучение данного феномена и доказывали правомерность выдвинутых ученым идей. Так, Г.А. Николаев подробно рассмотрел пути формирования конфикации в истории русского языка. В его монографии «Русское историческое словообразование» впервые был систематизирован материал о процессе развития деривационной системы древнерусского языка, получили разработку идеи В.М. Маркова о путях возникновения новых морфем, несвойственных прежде славянскому словообразованию (Николаев, 1987). К числу новых для славян способов словообразования Г.А. Николаев относит и конфикацию, четко обозначая причины ее формирования: изменение словообразовательных отношений в определенных суффиксальных и префиксальных словообразовательных типах в связи с развитием глагольно-именных и субстантивно-адъективных отношений, переориентация связей производных единиц, возникших на базе исходных форм слов, на исходные, калькирование и, наконец, взаимодействие морфологического и семантического способов словообразования (Николаев, 1987: 43–44). Наиболее часто конфикация формировалась на базе суффиксации предложно-падежных форм слов в результате переразложения (Габдеева, Агеева, Тимиргалеева, 2019), а существенную поддержку новому способу образования производных слов оказало калькирование с древнегреческого языка.

Ученики и последователи В.М. Маркова применили разработанные им положения в практических исследованиях, посвященных развитию конфиксации в словообразовании различных частей речи: существительных (Николаев, 1987; Гунько, 2012), прилагательных (Балалыкина, 2015; Косова, Уханова, 2016), глаголов (Аминова, 1979; Bubekova, Churpyakova, 2014).

С конца XX в. все большее количество ученых признают статус конфиксальной морфемы, учитывая изыскания казанских лингвистов, даже если придерживаются традиционного подхода. Так, известный российский дериватолог Е.А. Земская, полемизируя с Марковым, считает нецелесообразным выделять конфикс как особую морфему в русском языке, так как «наличие прерывистых морфем не характерно для структуры русского языка» (Земская, 2011: 32). В.В. Немченко, В.В. Лопатин, И.С. Улуханов придерживаются такого же мнения и используют термин «префиксально-суффиксальный способ», относя его к числу смешанных, комбинированных способов аффиксального словообразования (Немченко, 1984; Лопатин, Улуханов, 2016). При этом ученые признают факт одновременного присоединения приставки и суффикса к производящей основе и единичность акта словообразования, что входит в систему доказательств В.М. Маркова относительно использования в таких случаях именно единой конфиксальной морфемы.

О терминологической близости понятий свидетельствует и определение конфиксации в словаре лингвистических терминов: «конфиксация (от лат. *configere* — сколачивать, скреплять). То же, что префиксально-суффиксальный способ словообразования» (Розенталь, Теленкова, 1976). Однако все больше российских ученых, изучая различные языковые факты и на историческом материале, и на материале современного русского языка, с опорой на аргументы В.М. Маркова и его учеников, доказывают единство прерывистой морфемы и считают целесообразным называть способ словообразования с помощью такой морфемы конфиксальным (Камчатнов, 2022; Дмитриева, Левицкая, 2010; Гунько, 2012; Косова, Уханова, 2016; Осильбекова, 2020 и др.). Зарубежные ученые также применяют термин *конфикс* при характеристике способов образования новых слов в различных языках мира, что свидетельствует об универсальности данного дериватологического понятия (Ermanto et al., 2024; Dotsenko, 2022; Dal Maso, Piccinin, 2023).

В современном языкознании осуществляется переход к динамическому подходу в изучении словообразования, который позволяет преодолеть разрыв между синхроническим и диахроническим словообразованием и подойти к исследованию словообразовательных отношений с исторических позиций (Рабибурская, 2019: 279). При таком подходе за синхроническим словообразованием признается функциональный аспект, а вскрытие механизмов словообразовательных процессов осуществляется в результате динамических исследований, которые позволяют выявить конкретные пути формирования различных конфиксальных моделей в истории русского языка (Левицкая, 2012: 150). Современные ученые применяют к изучению конфиксации также

и новые подходы с ономаσιологических и когнитивных позиций, при учете которых особое внимание в деривационных процессах обращается на характер производящих основ и их социальную значимость (Косова, Уханова, 2016: 121–124).

При таком пристальном внимании к разным сторонам конфиксации как словообразовательного явления еще недостаточно изученными остаются вопросы формирования отдельных конфиксальных типов в истории русского языка. Так как именно формы на *без-* были в числе первых моделей, послуживших источником для возникновения прерывистых морфем, их изучение на материале древнерусских летописей представляется особенно актуальным.

В связи с этим **цель исследования** — разносторонний структурно-семантический, функциональный и концептуальный анализ конфиксальных именных форм с начальным *без-* в древнерусском языке.

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили тексты древнерусских летописей, в которых нашел отражение первый этап формирования конфиксации в истории русского языка. Он связан и с переразложением внутри осложненных суффиксом предложно-падежных форм, и с переориентацией производных единиц на соотнесенность с исходными формами слов, и с переосмыслением калькированных из греческого языка образований. Этот процесс начался одновременно с возникновением и распространением письменности в Древней Руси, и, по мнению ученых, уже к XIII в. в русском языке сформировались конфиксальные структуры (Гуныко, 2012: 35).

Исследование проводится на материале летописных текстов XI–XIV вв., входящих в исторический корпус Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Будучи оригинальными произведениями, летописи, несмотря на компилятивный характер, в большей степени, чем другие памятники, отразили тенденции в развитии русского языка начала письменного периода. Анализ языковых фактов, извлеченных из разновременных летописных источников, позволяет реконструировать элементы языковой картины мира того времени (Ерофеева, Пильгун, 2024), а также пронаблюдать за динамикой производных форм и осуществить их количественную и качественную интерпретацию.

Специфика использованного материала определила выбор методов для исследования. Прежде всего применялся исторический метод, позволяющий проанализировать языковые факты в диахроническом аспекте и проследить за зарождением и утверждением в русском языке нового словообразовательного средства. Лингвотекстологическим методом комплексно изучали языковые факты с учетом жанровых и стилистических особенностей летописных текстов и составляющих их частей. С помощью культурологического метода оценивали историческую и культурную ситуацию эпохи создания памятников. Метод семантико-когнитивного анализа был направлен на анализ отражения

результатов мыслительной деятельности человека в языке. Методом компонентного анализа лексической семантики исследовали функционирование отдельных языковых единиц в контексте.

Результаты

Выявлено, что к числу наиболее распространенных образований, которые могут быть интерпретированы как конфиксальные, в составе летописей относятся формы с начальным элементом *без-*. В производных единицах с этим элементом выражается представление о противоположности, противоречии, в котором заключается новое, значимое для социума утверждение.

Доказано, что утверждению нового для славян конфиксального способа словообразования способствовал ряд факторов. Во-первых, калькирование, в результате которого было образовано большинство дериватов с начальным *без-*. Эти формы органично встроились в русскую словообразовательную систему, в которой возникли как семантические, так и словообразовательные предпосылки для выделения в их составе единых двухэлементных морфем. Во-вторых, появление у форм с начальным *без-* общего значения «отсутствие того, что названо производящей основой» привело к их соотнесенности с корневыми существительными, а не с предложно-падежными формами. Во-третьих, четкое структурное членение таких дериватов с выделением в их составе аффиксальных элементов в пре- и постпозиции по отношению к производящей основе, которые стали восприниматься как участвующие в акте словопроизводства одновременно.

Определено, что именные формы с начальным *без-* представлены в языке древнерусских летописей тремя основными моделями: существительными с общим значением отвлеченного действия или состояния со вторым элементом *-ие*, существительными с личным значением с конечным элементом *-ьникъ* и прилагательными со вторым элементом *-ьнии*.

Установлено, что признак отсутствия того, что названо мотивирующей основой, приобрел концептуальную и социальную значимость в когнитивном механизме словопроизводства в славянских языках. Первоначально с помощью конфикса с начальным *без-* образовывались имена от производящих основ отвлеченной семантики. Высокой частностью употребления в летописных текстах XI–XIV вв. отличались производные от трех основ: *законъ*, *Богъ* и *число*. Дериваты с этими корнями указывали на такие значимые для эпохи признаки, как несоблюдение закона как совокупности церковных и светских предписаний (*беззаконьнии*, *беззаконие*), отступление от христианского вероучения при описании борьбы с нехристианскими народами (*безбожьнии*) и количественные параметры, не поддающиеся исчислению, при передаче реальных событий (*бещисленнии*). Соответствующие производные отличались стилистической маркированностью, обусловленной как происхождением, так и особой, сложной структурой.

Обсуждение

Производные образования относятся к текстоориентированным языковым средствам, оказывающим влияние на семантику и структуру текста (Erofeeva, Barashev, Ariskina, 2020: 283). Особая роль конфиксальных моделей с начальным *без-* в организации древнерусского текста обусловлена новым принципом познания человека Древней Руси, суть которого, по мнению известного филолога, философа языка В.В. Колесова, заключается в диалектическом отрицании противоречий (Колесов, 2011: 295). Возникший еще в праславянском языке префикс *без-* с развитием письменности взял на себя функцию выражения действительного отрицания (Колесов, 2011: 297).

Анализ производящих основ для имен с начальным негативирующим префиксом *без-* с семантических, стилистических и когнитивных позиций позволяет охарактеризовать роль подобных номинаций в осмыслении человеком окружающего мира.

К числу концептуально значимых понятий древнерусского периода относится представление о законе. Соответствующая лексема *законъ* обладала синкретизмом семантики и отличалась высокой частностью употребления в текстах древнейших летописных сводов. О значимости привативной оппозиции по отношению к понятию о законе свидетельствует тот факт, что формы на *без-* от основы этого слова представлены в древнерусских летописях тремя наиболее распространенными моделями: *беззаконие*, *беззаконьныи*, *беззаконьникъ*. Этимологически существительное *законъ*, связанное с *конъ* «граница, начало, конец», обозначало «то, что было изначально, определяется традицией»¹. Из данного общего значения в древнерусском языке выделяются более конкретные: по отношению к религии *законъ* выступает как «вера, вероисповедание совокупность правил поведения, предписываемых религией», по отношению к социальной жизни — как «установления, предписания светской власти, закон» и реже *законъ* предстает в широком значении «общепринятое правило, обычай»².

В соответствии со спецификой средневекового мировоззрения конфиксальные дериваты с элементом *без-* выражали прежде всего религиозное значение: так, образование *беззаконье* обозначало «действие, противное христианской этике, законам церкви»³. Идея неминуемости наказания за нарушение законов церкви пронизывает все летописные тексты: в «Повести временных лет» летописцы объясняют нашествие половцев сквозь призму христианских представлений как наказание за грехи людей: «*Бысть плачь великъ оу городѣ грѣхъ ради наших великихъ, за умноженьє беззаконии нашихъ*»⁴. В Новгородской I летописи, отличавшейся большим документализмом содержания

¹ Шанский Н.М. Этимологический онлайн-словарь русского языка. М. : Дрофа, 2004. URL: <https://lexicography.online/etymology/shansky/> (дата обращения: 07.11.2024).

² Словарь русского языка XI–XVII. Т. 5. М. : Наука, 1978. С. 217–218.

³ Словарь русского языка XI–XVII. Т. 1. М. : Наука, 1975. С. 109–110.

⁴ НКРЯ // Повесть временных лет по Ипатьевскому списку. URL: <https://ruscorpora.ru/search?search=CgQyAggP> (дата обращения: 28.11.2024).

и однородностью языка, эта же идея выражается с использованием конструкции формульного характера, включающей градацию форм на *-ие* с негативизирующими элементами *без-* и *не-*. При этом образование *беззаконие* совмещает как религиозное, так и светское содержание: «*Того же богъ видя наша беззакония и братоненавидение и непокорение друугъ къ друугу и зависть...и за то богъ на насъ поганыя навѣдѣ и землю нашу пусту положиша*»⁵.

В случае отнесенности к отдельному персонажу, образование *беззаконие* выражает значение резко отрицательного состояния: так, в «Сказании об убиении Бориса и Глеба» 1015 г.: «*Святополкъ же исполнися беззакония, Каиновъ смыслъ приимъ*»⁶. В «Похвальном слове Феодосию Печерскому» 1091 г. *беззаконие* также выражает значение негативного состояния, связанного с плотскими стремлениями, противоречащими религиозным правилам: «*Умертвивъ плотскую похоть, источникъ беззаконью и мятежъ, преподобне, и бѣсовскихъ кознѣй избѣгъ и от сѣтии его*»⁷. Развитие значения состояния у деривата *беззаконие* — свидетельство его переосмысления в сторону соотношенности непосредственно с производящим существительным *законъ* и выделения вследствие этого конфикса *без...ие*.

Прилагательное *беззаконьный* также играло важную идеологическую роль в системе ценностных представлений древнерусского социума. Совокупность значений данного адъектива четко коррелировала с двумя семантическими сторонами мотивирующей основы. Образование *беззаконьный* выражало как значение несоответствия христианской вере, так и отрицания принадлежности к данной вере, воспринимаемой как нарушение закона. Именно система значений образования *беззаконьный* «нарушающий закон», «противоречащий христианскому закону» и «связанный с нехристианской верой»⁸ подтверждает факт переосмысления его структуры в сторону выделения единой прерывистой морфемы *без...ьный*, а не префикса *без-*. В Новгородской I летописи, памятнике документального содержания, данное образование употребляется при описании нашествия Батыя в значении «связанный с нехристианской верой»: «*Беззаконьный же измаилъти, приближишиа къ градуу, и остоупиша градъ силоу*»⁹, часто в субстантивном употреблении: «*Оттолѣ же придоша беззаконьный, и оступиша торжекъ на сборъ чистоу недѣли*»¹⁰ и под.

В «Повести временных лет», как произведении, содержащем отрывки разной жанровой отнесенности, актуализируются разные компоненты значения образования *беззаконьный*: в историко-этнографическом введении, при описании обычаев языческих народов, актуализируется светская семантика

⁵ НКРЯ // Новгородская I летопись по Синодальному списку. URL: <https://ruscorpora.ru/search?search=CgQyAggP> (дата обращения: 28.11.2024).

⁶ НКРЯ // Повесть временных лет по Ипатьевскому списку. URL: <https://ruscorpora.ru/search?search=CgQyAggP> (дата обращения: 28.11.2024).

⁷ Там же.

⁸ Словарь русского языка XI–XVII. Т. 1. М.: Наука, 1975. С. 110–111.

⁹ НКРЯ // Новгородская I летопись по Синодальному списку. URL: <https://ruscorpora.ru/search?search=CgQyAggP> (дата обращения: 25.11.2024).

¹⁰ Там же.

в составе тавтологического сочетания: «Въ Вритании же мнози мужи съ единою женою спать, тако же и многыя жены съ единымъ мужемъ похотствуютъ и **безаконная** законъ отецъ творять»¹¹. При описании борьбы с кочевниками слово употребляется с религиозным оттенком значения «связанный с иной нехристианской верой»: «Нынѣ же плачь по всимъ оулицамъ умножися избьеныхъ ради, иже избиха **безаконнѣи** половцѣ»¹².

К числу конфиксальных дериватов от основы *законъ* относится и книжное слово со значением лица *беззаконникъ*, заимствованное из старославянского языка. В значении данного деривата также отражены две значимые для древнерусского периода семантические стороны производящего субстантива: «тот, кто нарушает закон, преступник» и «человек иной (нехристианской) веры, грешник»¹³. В словообразовательной соотнесенности слова *беззаконникъ* обнаруживается общая тенденция развития суффиксальных образований на *-ьникъ*. Исторически имена на *-ьникъ* были мотивированы прилагательными на *-ьн-* и выделяли в своем составе суффикс *-икъ*. Структурно *беззаконникъ* ближе с прилагательным *беззаконьныи*, однако семантически оно соотносится непосредственно со словом *законъ*, и, как и в истории имен на *-ьникъ* вообще, в данном случае наблюдается переразложение в основе и вычленение конфиксальной модели *без...ьникъ* с общим значением «лицо, характеризующееся отсутствием того, что названо производящей основой».

Вышедшее в дальнейшем из употребления слово *беззаконникъ* отмечается в летописных текстах 7 раз, что показывает значимость данного образования в идеологическом контексте средневековья. Например, в погодной статье «Повести временных лет» 1015 г. оно используется для характеристики Святополка, коварно убившего братьев: «Оканьнии же убици придоша къ Святополку, аки хвалу имуще, **беззаконьници**. Суть же имена симъ законопреступникомъ: Путьша, Талець, Еловичь, Ляшкко, отецъ же ихъ сотона»¹⁴.

О близости форм *беззаконникъ* и *беззаконьныи* свидетельствует возможность их замены в одном контексте в разных списках летописи: так в отрывке из «Хроники Георгия Амартола» в Лаврентьевском списке летописи используется существительное, в Ипатьевском — соответствующее прилагательное в субстантивном употреблении: «Ибо комуждо языку овѣмъ законъ исписанъ есть, другимъ же обычая, зане **безаконнымъ** отечествиемъ мнится»¹⁵.

В «Волынской летописи» однокоренные дериваты с начальным *без-* (*беззаконие*, *беззаконьныи*, *беззаконьникъ*) представлены в одном ряду в составе риторической фигуры, характерной для средневекового текста и используемой для подчеркивания, выделения необходимого содержания в структуре синтагмы: «Нача княжити в Литвѣ, оканьныи и **беззаконьньныи** прокляты

¹¹ НКРЯ // Повесть временных лет по Ипатьевскому списку. URL: <https://ruscorpora.ru/search?search=CgQyAggP> (дата обращения: 25.11.2024).

¹² Там же.

¹³ Словарь русского языка XI–XVII. Т. 1. М.: Наука, 1975. С. 110.

¹⁴ НКРЯ // Повесть временных лет по Ипатьевскому списку. URL: <https://ruscorpora.ru/search?search=CgQyAggP> (дата обращения: 25.11.2024).

¹⁵ Там же.

*немилостивыи Троидеи, егोजе **беззаконья** не могохомъ писати срама ради, такъ бо бѣшетъ **беззаконникъ** яко и Антиохъ Соурьскыи»*¹⁶.

Согласно данным НКРЯ, лексема *беззаконныи* в летописных текстах употребляется значительно чаще, чем в других жанрах древнерусской письменности. Слово *беззаконникъ*, как книжное образование, чаще отмечается в текстах житий. Количественные различия в употреблении слова *беззаконие* в разных жанрах незначительны. Частотность употребления образований с начальным *без-* с основой *законъ* в процентах в разных жанрах древнерусской письменности приведена на рисунке.

К числу распространенных в древнерусских летописях дериватов изучаемого типа относится образование *безбожьными* в значении «языческий, нехристианский», «нечестивый, связанный с вероотступничеством»¹⁷, зафиксированное в летописях 53 раза. Данное прилагательное не имеет соответствующей беспрефиксной формы, которая могла бы позволить интерпретировать форму *безбожьными* как префиксальную модель, как в случае *безгрѣшными* – *грѣшными*. Поэтому данный дериват может осмысляться в структурном отношении только как соотносительный с существительным *Богъ*, однако в семантическом плане его связь со словом *Богъ* практически утрачивается, и оно выступает как деэтимологизированное образование.

Так как «словообразовательно маркируется то, что социально, культурно или биологически значимо в сознании народа» (Вендина, 2000: 26) и в фактах словообразования отражается система ценностных воззрений древних славян, то и негативирующий префикс *без-* в составе производного слова указывает на то, что важно в картине мира средневекового человека. В частности, отношение к Богу как наиболее значимой сущности с позиций основополагающего религиозного вероучения. В морализаторских отступлениях летописных текстов, которые носят публицистический характер, в эмоциональной форме летописец не только выражает отношение к завоевателям русской земли, но и объясняет причины различных бедствий нарушением божественных предписаний.

В качестве устойчивого эпитета образование *безбожьными*, отличавшееся семантическим синкретизмом и тяготевшее к развитию качественных оттенков в семантике, использовалось для характеристики конкретных исторических персонажей, а также целых народов — завоевателей Русской земли: литовцев, половцев, монголо-татар, печенегов: «*Прииде второе Бонякъ **безбожьными**, шолоудивыи, отаи, хыщникъ, къ Киеву внезапноюу*»¹⁸; «*Безбожнии же сынове Измаилеви высѣкоуши врата манастирю и устромишася по кѣльямъ*»¹⁹; «*Се бысть первое зло на Руськую землю от поганыхъ **безбожьныхъ** врагъ*»²⁰.

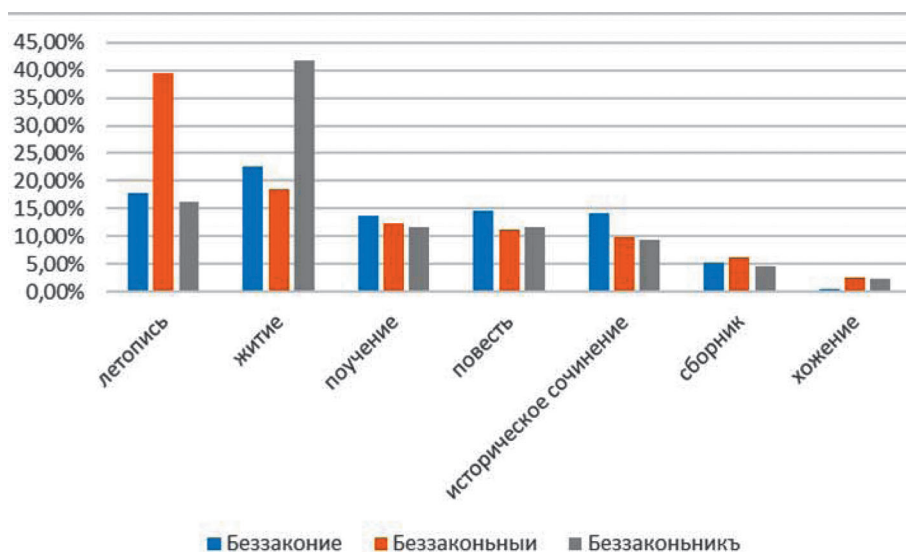
¹⁶ НКРЯ // Волинская летопись. URL: <https://ruscorpora.ru/search?search=CgQyAggP> (дата обращения: 25.11.2024).

¹⁷ Словарь русского языка XI–XVII. Т. 1. М.: Наука, 1975. С. 93.

¹⁸ НКРЯ // Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. URL: <https://ruscorpora.ru/search?search=CgQyAggP> (дата обращения: 28.11.2024).

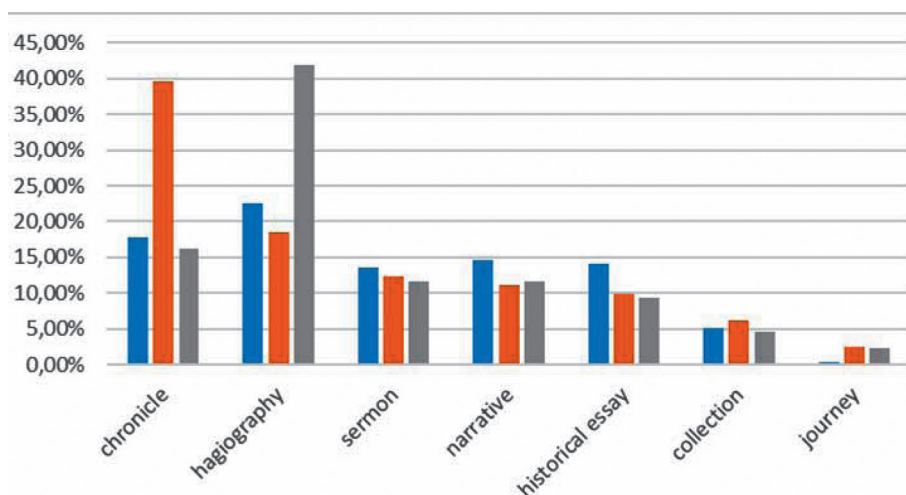
¹⁹ НКРЯ // Повесть временных лет по Ипатьевскому списку. URL: <https://ruscorpora.ru/search?search=CgQyAggP> (дата обращения: 28.11.2024).

²⁰ Там же.

Распределение лексем *беззаконие*, *беззаконный*, *беззаконник* по жанрам древнерусской письменности, %

Источник: составлено И.В. Ерофеевой, Ю.К. Лукояновой по информации из Национального корпуса русского языка.

Distribution of the lexemes *беззаконие*, *беззаконный*, *беззаконник* by genres of Old Russian writing, %

Source: compiled by I.V. Erofeeva, Yu.K. Lukoyanova based on information from National Corpus of the Russian Language.

Образование *безбожьный* часто отмечается и в субстантивном употреблении, поэтому соответствующее образование со значением лица *безбожьникъ* относится к числу единичных и отмечается в древнерусском подкорпусе НКРЯ всего один раз, в примере из Новгородской I летописи «Тогда же ганяшася оканьнии *безбожници*, от торжкоу серегърьскимъ поутемъ»²¹.

²¹ НКРЯ // Новгородская I летопись по Синодальному списку. URL : <https://ruscorpora.ru/search?search=CgQyAggP> (дата обращения : 28.11.2024).

Подавляющее большинство примеров употребления прилагательного *безбожьными* в древнерусском языке приходится на тексты летописного жанра (табл.).

Распределение лекси́мы *безбожьнии* по жанрам древнерусской письменности, %

Жанр древнерусской письменности	Доля от общего числа употреблений в древнерусских текстах, %
Летопись	77,94
Житие	13,24
Историческое сочинение	4,41
Повесть	4,41

Источник: составлено И.В. Ерофеевой, Ю.К. Лукояновой по информации из Национального корпуса русского языка.

Distribution of the lexeme *безбожьнии* by genres of Old Russian writing, %

The genre of ancient Russian writing	Share of the total number of uses in Old Russian texts, %
Chronicle	77.94
Hagiography	13.24
Historical essay	4.41
Narrative	4.41

Source: compiled by I.V. Erofeeva, Yu.K. Lukyanova based on information from National Corpus of the Russian Language.

Образования *безумьными* – *безумие* являются достаточно частотными в древнерусском языке, хотя в языке летописей употребляются редко (4 и 7 словоупотреблений). Они распространены прежде всего в переводных памятниках или церковных текстах, связанных с книжно-славянской письменной традицией. В семантике данных дериватов заложено представление об отсутствии ума, однако ум в Древней Руси, по мнению В.В. Колесова, воспринимался несколько иначе, чем в современном мире: и как «собственно интеллектуальная сторона познания», и как «духовная сила души» (Колесов, 2011: 80–81). Именно в таком смысле прилагательное *безумьными* используется при характеристике князя Святополка, убившего братьев Бориса и Глеба и совершившего немало других злодеяний: «*Безумьнии же Святополкъ рече: „Елико же ляховъ по городомъ, избиваите я“*»²². В Суздальской летописи *безумьными* отмечается в субстантивированном употреблении в цитате из Соломона: «*Яко же пророкъ Соломонъ глаголетъ...кажа злыя приемлетъ собѣ досаженъе обличить безумнаго поречеть тя*»²³.

Образование *безумье*, соотносившееся исторически с формой *безумь* (Николаев, 1987: 42), переосмысливается как связанное с исходным *умъ*. В летописных текстах *безумье* реализует значение «безрассудство, сумасбродство»²⁴ при соотнесенности с семантически синкретичным *умъ* в значении

²² НКРЯ // Повесть временных лет по Ипатьевскому списку. URL: <https://ruscorpora.ru/search?search=CgQyAggP> (дата обращения: 28.11.2024).

²³ НКРЯ // Суздальская летопись. URL: <https://ruscorpora.ru/search?search=CgQyAggP> (дата обращения: 28.11.2024).

²⁴ Словарь русского языка XI–XVII. Т. 1. М. : Наука, 1975. С. 127.

«рассудок»²⁵ и обозначает состояние как отдельного исторического персонажа: «Бысть же по сихъ Болеславоу князю, Ъще исполнишюся своего **безоумья**, и не престаяшеть злое творя»²⁶, так и народа в целом, например, в историко-этнографическом введении «Повести временных лет» при описании разделения языков вследствие Вавилонского столпотворения: «Адамовъ же языкъ бысть не отъять у Авера: то бо единъ не приложися къ **безумью** ихъ»²⁷.

В древнерусском языке фиксируется существительное *безумникъ* в значении «безумный, безрассудный человек»²⁸, но только в текстах поучений и житий, в летописях этого периода не отмечается.

Производные от основы *смерть* формы *бессмертье* – *бессмертныи* также более характерны для книжных жанров, в летописных текстах древнерусского периода отмечаются по 2 раза. Прилагательное *бессмертныи* развивает качественные оттенки в семантике, выражая не только значение «бессмертный», но и «вечный, бесконечный»²⁹. Данный адъектив выступает в роли устойчивого атрибута Бога, будучи обозначением качества, относящегося к высшей сущности или же к духовной внутренней сущности человека. Например, при описании кончины князя Владимир Васильковича: «И възрѣвъ на небо и въздавъ хвалу Богу, глаголя: „**Бесмъртныи** Боже, хвалю тебе о всемъ!“»³⁰.

Субстантив *бессмертье* употребляется в «Похвальном слове княгине Ольге», первой принявшей христианство. Смысл бессмертия праведника объясняется тем, что он признается и Богом, и людьми: «„Похваляему правѣдному възвеселятся людѣ“, **бесмертье** бо есть память его, яко от Бога познавается и от чловѣкъ»³¹.

К числу устойчивых атрибутов Бога относится и образование *безначальныи* в значении «существующий извечно, вне времени (о Боге)»³². В смысловой структуре данного адъектива содержится отсылка к философской концепции сущности Бога: «Отець, Богъ Отець, присно сии пребываетъ въ отечествѣ, нероженъ, **безначаленъ**, начало и вина всѣмъ»³³.

Только адъективной формой представлен конфиксальный дериват от основы *коньць*. Образование *бесконьчныи* входит в состав устойчивой формулы *радость бесконьчная*, связанной с описанием загробной жизни.

²⁵ Срезневский И.И. Материалы для Словаря древнерусского языка : в 3 томах. М., 1958. Т. III. С. 1213.

²⁶ НКРЯ // Волынская летопись. URL: <https://ruscorpora.ru/search?search=CgQyAggP> (дата обращения: 28.11.2024).

²⁷ НКРЯ // Повесть временных лет по Ипатьевскому списку. URL: <https://ruscorpora.ru/search?search=CgQyAggP> (дата обращения: 24.11.2024).

²⁸ Словарь русского языка XI–XVII. Т. 1. М. : Наука, 1975. С. 128.

²⁹ Словарь русского языка XI–XVII. Т. 1. М. : Наука, 1975. С. 170.

³⁰ НКРЯ // Волынская летопись. URL: <https://ruscorpora.ru/search?search=CgQyAggP> (дата обращения: 28.11.2024).

³¹ НКРЯ // Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. URL: <https://ruscorpora.ru/search?search=CgQyAggP> (дата обращения: 24.11.2024).

³² Словарь русского языка XI–XVII. Т. 1. М. : Наука, 1975. С. 120.

³³ НКРЯ // Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. URL: <https://ruscorpora.ru/search?search=CgQyAggP> (дата обращения: 28.11.2024).

В древнейших текстах фиксируется образование *безгрѣшныи*, хотя частотность его употребления в изучаемый период, по данным НКРЯ, невысока как в летописях (2 примера), так и в других памятниках письменности (2 примера). Данное образование может осознаваться как префиксальное при адъективе *грѣшныи*, однако аналогия с другими формами, структурная и семантическая связь непосредственно с существительным *грѣхъ* способствуют его переосмыслению как образованного по модели на *без...ьныи*. Утверждение через отрицание понятия о грехе придает образованию высокую позитивную оценку. Только адъективными формами представлены производные образования *бессловесьныи* в значении «не владеющий речью, подобный животным»³⁴, *бесстудьныи* в значении «не знающий стыда, заслуживающий осуждения»³⁵:

Производное *бесцѣньныи* используется в летописных текстах в качестве определения к именам конкретного значения, обозначающим предметы церковного обихода: «*Яко не можемъ числа повѣдати съ праздничьными съсуды бесцѣньными*»³⁶. Образование *безмѣрьныи* соотносится со словом *мѣра*, в значении которого заключается отвлеченное представление о размере, количестве, мере; *безмѣрьныи* фиксируется в ранних летописях 1 раз в значении «чрезмерный, огромный»³⁷. Единичными примерами представлены формы *бесстрашныи* — «не внушающий страха, безопасный»³⁸, *безвинныи* — «неповинный, невиновный»³⁹, *беззлобие* — «незлобивость, кротость»⁴⁰. Исключением для древнерусского периода является соотнесенность имен изучаемой структуры с основами конкретной семантики, например, *бездожгье* — «отсутствие дождя, засуха»⁴¹.

К числу частотных форм в летописном жанре относится образование *бесчисленьныи* (37 словоупотреблений), выступающее в виде *беицисленныи* в результате ассимиляции на стыке префикса и основы слова *число*. Оно образовано по модели *без...енн(ыи)*. В основном употребляется в составе устойчивой формулы *беицисленное множество*, которая может быть использована для характеристики как совокупности людей, так и большого количества предметов материального мира.

Заключение

Таким образом, к началу письменного периода в древнерусском языке формируется новый способ словообразования — конфикация. В материалах летописных сводов регулярно и последовательно употребляются именные

³⁴ Словарь русского языка XI–XVII. Т. 1. М.: Наука, 1975. С. 169.

³⁵ Словарь русского языка XI–XVII. Т. 1. М.: Наука, 1975. С. 174.

³⁶ НКРЯ // Новгородская I летопись по Синодальному списку. URL: <https://ruscorpora.ru/search?search=CgQyAggP> (дата обращения: 28.11.2024).

³⁷ Словарь русского языка XI–XVII. Т. 1. М.: Наука, 1975. С. 115.

³⁸ Словарь русского языка XI–XVII. Т. 1. М.: Наука, 1975. С. 173.

³⁹ Словарь русского языка XI–XVII. Т. 1. М.: Наука, 1975. С. 97.

⁴⁰ Словарь русского языка XI–XVII. Т. 1. М.: Наука, 1975. С. 111.

⁴¹ Словарь русского языка XI–XVII. Т. 1. М.: Наука, 1975. С. 107.

производные формы данного типа. Особое место среди них занимают образования с начальным *без-*, которые используются для номинации концептуально значимых для эпохи Древней Руси понятий, называемых через их отрицание и вследствие этого приобретающих важный аксиологический статус в картине мира средневекового периода.

В древнерусских летописях XI–XIV вв. производящими основами для образований с начальным *без-* были имена отвлеченной семантики. К числу самых частотных конфиксальных дериватов относились *беззаконными*, *беззаконие*, *бецисленными* и *безбожьными*. Другие образования с элементом *без-* в летописных источниках представлены небольшим количеством словоупотреблений. Однако уже в древнерусский период отмечается тенденция к расширению круга их производящих основ за счет включения в него имен конкретизированной семантики. Дальнейшее развитие языковой системы подтвердило жизнеспособность моделей с начальным *без-*, уже в старорусский период количество таких производных значительно увеличилось.

Исследование конфиксальных моделей в последующие периоды развития русского языка представляется перспективным направлением дальнейшего изучения производных имен с начальным *без-*, в процессе которого будет осуществлен анализ как путей формирования новых моделей, так и тенденций развития и расширения их словопроизводственной базы.

Список литературы

- Аминова А.А. О некоторых путях развития глагольной конфикации // Актуальные проблемы грамматики и лексикологии. Ч. 1. Казань : Изд-во Казанского гос. ун-та, 1979. С. 126–134.
- Балалыкина Э.А. Конфиксальные образования с начальным *без-* в русском, польском и литовском языках // Филология и культура. 2015. № 3 (41). С. 22–26. EDN: UGAWTR
- Вендина Т.И. Языковое сознание средневековья и возможности его реконструкции // Славяноведение. 2000. № 4. С. 25–32.
- Габдреева Н.В., Агеева А.В., Тимиргалиева А.Р. Иноязычная лексика в русском языке новейшего периода. М. : Флинта, 2019. 328 с. EDN: WLMXUP
- Гулько О.Г. Формирование и развитие конфикации в сфере русского субстантивного словообразования // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. Вып. 63. № 5. С. 34–38. EDN: PJBBLR
- Дмитриева О.И., Левицкая А.Д. Динамика семантико-словообразовательных подсистем русского языка // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 4 (2). С. 511–514. EDN: NCVLAN
- Ерофеева И.В., Пильгун М.А. Реконструкция этико-философского представления о любви в древнерусском языке (на материале летописного текста) // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. № 2 (18). С. 94–105. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-94-105> EDN: OQXEVG
- Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. М. : Флинта : Наука, 2011. 328 с.
- Камчатнов А.М. Введение в изучение русского исторического словообразования. М. : Директ-Медиа, 2022. 300 с. EDN: OVGCGG
- Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове : в 5 книгах. Кн. 4. Мудрость слова. СПб. : Филологический факультет СПбГУ ; Нестор-История, 2011. 480 с. EDN: QWXHAV

- Косова В.А., Уханова Т.В. Конфиксальные прилагательные как маркер социальной значимости реалии // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2016. № 1 (43). С. 121–126. EDN: VVHYBP
- Левицкая А.Д. Динамика словообразовательных процессов: глагольные префиксация и конфикация // Вестник Волгоградского государственного университета. 2012. № 2 (16). С. 150–153. EDN: PUAPUJ
- Лопатин В.В., Улукханов И.С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М. : Азбуковник, 2016. 812 с. EDN: ZCJWLF
- Марков В.М. Замечания о конфикации в современном русском языке // Избранные работы по русскому языку. Казань : ДАС, 2001. С. 104–109.
- Немченко В.Н. Современный русский язык. Словообразование. М. : Высшая школа, 1984. 255 с.
- Николаев Г.А. Русское историческое словообразование. Казань : Изд-во Казанского гос. ун-та, 1987. 152 с.
- Осильбекова Д.А. Семантика конфиксов // Русский язык в школе. 2020. Т. 81. № 1. С. 90–94. <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2020-81-1-90-94> EDN: PKCPMY
- Рабибурская Л.В. Российская словообразовательная наука в XXI веке // Русистика. 2019. Т. 17. № 3. С. 276–299. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-3-276-299> EDN: VTOOTD
- Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М. : Просвещение, 1976. URL: <https://rus-lingvistic-term.slovaronline.com/> (дата обращения: 11.11.2024).
- Bubekova L.B., Chupryakova O.A. Confixal verbs of Russian language: typology and paradigms // World Applied Sciences Journal. 2014. Vol. 30. № 11. Pp. 1562–1565. <https://doi.org/10.5829/idosi.wasj.2014.30.11.14213> EDN: SKNMJH
- Dal Maso S., Piccinin S. Zero-derived forms in the mental lexicon: experimental evidence from Italian // Zeitschrift Fur Sprachwissenschaft. 2023. Vol. 42. № 1. Pp. 133–151. <https://doi.org/10.1515/zfs2022-2015> EDN: SNCGHZ
- Dotsenko O. Confixal word-formation rows with the suffix *-ment* // Ostrava Journal of English Philology. 2022. Vol. 14. № 1. Pp. 5–15. <https://doi.org/10.15452/OJoEP.2022.14.0001> EDN: MVNFUQ
- Ermanto E., Triwira Dhika V., Ardi H., Juita N. The use of confixes per-/an and pen-/an in the novel “Laskar Pelangi”: a corpus linguistic analysis // International Journal of Society, Culture & Language. 2024. Vol. 12. № 1. Pp. 239–255. <https://doi.org/10.22034/ijscl.2023.2011740.3175>
- Erofeeva I.V., Barashev A.K., Ariskina O.L. Derivative substantives in the media system of text-formation // Utopia y Praxis Latinoamericana. 2020. ACO : 25. Extra 7. Pp. 282–288. <http://doi.org/10.5281/zenodo.4009719> EDN: GEDBUM

Сведения об авторах:

Ерофеева Ирина Валерьевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, Институт филологии и межкультурной коммуникации, Казанский федеральный университет, Российская Федерация, 420008, Казань, ул. Кремлевская, д. 18. *Сфера научных интересов*: история русского языка, историческое словообразование, этимология, лингвокультурология. ORCID: 0000-0002-6702-9129. SPIN-код: 8921-7370. AuthorID: 319562. ResearcherID: AAO-3232-2020. ScopusID: 56260827900. E-mail: erofeeva89@mail.ru

Лукоянова Юлия Константиновна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания, Институт филологии и межкультурной коммуникации, Казанский федеральный университет, Российская Федерация, 420008,

Казань, ул. Кремлевская, д. 18. *Сфера научных интересов*: историческая лексикология, историческое словообразование, языковая картина мира, культура русской речи. ORCID: 0000-0003-0229-2855. SPIN-код: 3497-2563. ResearcherID: D-6683-2015. ScopusID: 57213814456. E-mail: lukyulia@yandex.ru

DOI: 10.22363/2618-8163-2024-23-2-44-62

EDN: DVDOMC

Research article

Confixal derivatives with initial *bez-* in Old Russian chronicles

Irina V. Erofeeva^{id}✉, Yulia K. Lukoyanova^{id}

Kazan (Volga Region) Federal University, *Kazan, Russian Federation*

✉erofeeva89@mail.ru

Abstract. The study considers confixal derivatives with the initial *bez-* in the original monuments of the Old Russian language, chronicles. The relevance of the study is in the importance of analyzing history of new word-formation types in the Russian language, which subsequently enriched the word-formation system with new models. Based on the research of Kazan linguists in the field of historical word formation, the authors prove the functional status of a unified two-element word-formation morpheme and its derivational potential in the history of the Russian language. The aim of the study is a comprehensive structural-semantic, functional, and conceptual analysis of confixal nominal forms with the initial *bez-* in the Old Russian language. The material of the study is the collection of the 11th-14th century chronicle texts in the historical corpus of Russian National Corpus. The aim was achieved with the following methods: historical, linguistic-textological, cognitive methods, the method of component analysis of semantics. As a result, we established that chronicle texts contain confixal derivatives with the initial *bez-* in three main word-formation types: (a) nouns with the meaning of action/state with the second element *-ie*; (b) nouns with the meaning of person with the second element *-bnikъ*, and (c) adjectives with the second element *-bnyi*. The model with *bez-* implements a new principle of cognition, through dialectical negation of contradictions. In the initial written period, these forms had stylistic marking due to their complex morphemic structure, connection with Greek calques, and their Old Church Slavonic nature. Initially, nouns and adjectives with abstract semantics were used as productive bases for confixal derivatives. Therefore, the most common in Old Russian chronicles were derivatives with the initial *bez-* (*bezzakon'nyi* 'unlawful', *bezzakonie* 'lawlessness', *beschislennyi* 'innumerable', *bezbozh'nyi* 'godless'). The prospects of the research consist in examining the ways of further development of confixal derivatives with the initial *bez-* in the Old Russian period from the 15th to the 17th centuries both in terms of the new models and of expanding the word-formation base with names of a specific meaning.

Keywords: confix, word formation, the Old Russian language, historical corpus, stylistic marking, linguistic picture of the world

Contributions: Erofeeva I.V. — idea formation, formulation and development of key goals and objectives, conducting research, collecting data, analyzing and interpreting the data obtained, drafting the article; Lukoyanova Yu.K. — text preparation and editing.

Conflict of interest. The authors have no conflicts of interest to declare.

Article history: received 02.11.2024; accepted 16.02.2025.

For citation: Erofeeva, I. V., & Lukoyanova, Yu. K. (2025). Confixal derivatives with initial bez- in Old Russian chronicles. *Russian Language Studies*, 23(2), 241–256. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2025-23-2-257-274>

References

- Aminova, A. A. (1979). On some ways of development of verbal confixation. In *Actual problems of grammar and lexicology*. Pt. 1 (pp. 126–134). Kazan: Izdatel'stvo Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta Publ. (In Russ.).
- Balalykina, E. A. (2015). Confixal formations with initial bez- in Russian, Polish and Lithuanian. *Philology and Culture*, 3, 22–26. (In Russ.). EDN: UGAWTR
- Bubekova, L. B., & Chupryakova, O. A. (2014). Confixal verbs of Russian language: Typology and paradigmatics. *World Applied Sciences Journal*, 30(11), 1562–1565. <https://doi.org/10.5829/idosi.wasj.2014.30.11.14213> EDN: SKNMJH
- Dal Maso, S., & Piccinin, S. (2023). Zero-derived forms in the mental lexicon: Experimental evidence from Italian. *Zeitschrift Fur Sprachwissenschaft*, 42(1), 133–151. <https://doi.org/10.1515/zfs2022-2015> EDN: SNCGHZ
- Dmitrieva, O. I., & Levickaja, A. D. (2010). Dynamics of semantic-word-formation subsystems of the Russian language. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, (4), 511–514. (In Russ.). EDN: NCVLAH
- Dotsenko, O. (2022). Confixal word-formation rows with the suffix -ment. *Ostrava Journal of English Philology*, 14(1), 5–15. <https://doi.org/10.15452/OJoEP.2022.14.0001>. EDN: MVNFUQ
- Ermanto, E., Triwira Dhika JR, V., Ardi, H., & Juita, N. (2024). The use of confixes Per-/an and PeN-/an in the Novel Laskar Pelangi: A corpus linguistic analysis. *International Journal of Society, Culture & Language*, 12(1), 239–255. <https://doi.org/10.22034/ijscel.2023.2011740.3175>
- Erofeeva, I. V., Barashev, A. K., & Ariskina, O. L. (2020). Derivative substantives in the media system of text-formation. *Utopia y Praxis Latinoamericana*, 25(7), 282–288. <http://doi.org/10.5281/zenodo.4009719>. EDN: GEDBUM
- Erofeeva, I. V., & Pil'gun, M. A. (2024). Reconstruction of the ethical and philosophical idea of love in the Old Russian language (based on the material of the chronicle text). *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, (2), 94–105. <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-94-105> (In Russ.). EDN: OQXEVG
- Gabdreeva, N. V., Ageeva, A. V., & Timirgaleeva, A. R. (2019). *Foreign vocabulary in the Russian language of the modern period*. Moscow: Flinta Publ. (In Russ.). EDN: WLMXUP
- Gun'ko, O. G. (2012). Formation and development of confixation in the sphere of Russian substantive word formation. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 63(5), 34–38. (In Russ.). EDN: PJBBLR
- Kamchatnov, A. M. (2022). *Introduction to the study of Russian historical word formation*. Moscow: Direct-Media Publ. (In Russ.). EDN: OVGCG
- Kolesov, V. V. (2011). *Ancient Russia: heritage in the words*: in 5 vols. Vol. 4. *Wisdom of the word*. Saint Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SPBGU; Nestor-Istoriya Publ. (In Russ.). EDN: QWXHAV
- Kosova, V. A., & Uhanova, T. V. (2016). Confixal adjectives as a marker of social significance of reality. *Vestnik Tatarskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta*, (1), 121–126. (In Russ.). EDN: VVHYBP
- Levitskaya, A. D. (2012). Dynamics of word-formation processes: verb prefixation and confixation. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, (2), 150–153. (In Russ.). EDN: PUAPUJ

- Lopatin, V. V., & Ulukhanov, I. S. (2016). *Dictionary of word-formation affixes of the modern Russian language*. Moscow: Azbukovnik Publ. (In Russ.). EDN: ZCJWLF
- Markov, V. M. (2001). Notes on confixation in modern Russian. In *Markov V.M. Selected works on the Russian language* (pp. 104–109). Kazan: DAS Publ. (In Russ.).
- Nemchenko, V. H. (1984). *Modern Russian language. Word formation*. Moscow: Vysshaya shkola Publ. (In Russ.).
- Nikolaev, G. A. (1987). *Russian historical word formation*. Kazan: Izdatel'stvo Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta Publ. (In Russ.).
- Osil'bekova, D. A. (2020). The semantics of the confix. *Russian language at school*, 81(1), 90–94. (In Russ.). <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2020-81-1-90-94> EDN: PKCPMY
- Ratsiburskaya, L. V. (2019). Word-building science in Russia in the XXI century. *Russian Language Studies*, 17(3), 276–299. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-3-276-299> EDN: VTOOTD
- Rozental', D. E., & Telenkova, M. A. (1976). *Dictionary and reference book of linguistic terms*. Moscow: Prosveshchenie Publ. (In Russ.). <https://rus-lingvistic-term.slovaronline.com/>
- Vendina, T. I. (2000). Linguistic consciousness of the Middle Ages and the possibilities of its reconstruction. *Slavyanovedenie*, (4), 25–32. (In Russ.).
- Zemskaya, E. A. (2011). *Modern Russian language. Word formation*. Moscow: Flinta : Nauka Publ. (In Russ.).

Bio notes:

Irina V. Erofeeva, Doctor of Philology, Professor, Professor at the Department of the Russian Language and Methods of Teaching, Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan Federal University, 18 Kremlevskaya St, Kazan, 420008, Russian Federation. *Research interests*: history of the Russian language, historical word formation, etymology, linguoculturology. ORCID: 0000-0002-6702-9129. SPIN-code: 8921-7370. AuthorID: 319562. ResearcherID: AAO-3232-2020. ScopusID: 56260827900. E-mail: erofeeva89@mail.ru

Yulia K. Lukoyanova, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor at the Department of the Russian Language and Methods of Teaching, Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan Federal University, 18 Kremlevskaya St, Kazan, 420008, Russian Federation. *Research interests*: historical lexicology, historical word formation, linguistic picture of the world, culture of Russian speech. ORCID: 0000-0003-0229-2855. SPIN-code: 3497-2563. ResearcherID: D-6683-2015. ScopusID: 57213814456. E-mail: lukyulia@yandex.ru